

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ЭО, 2008 г., № 6

© К. В. Корякин

МИГРАЦИЯ КАК ПРЕДМЕТ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ НАУКИ*

В человеческом измерении термин "миграция" означает "перемещение людей (мигрантов) через границы тех или иных территорий с переменой места жительства навсегда или на более или менее длительное время" (Моисеенко 1994: 231). Пространственная мобильность индивидумов и их групп, ее предпосылки и условия, психологические, социальные, культурные, экономические и др. последствия являются предметом изучения соответствующих наук.

Место исследований миграции довольно непросто определить в рамках этнологии. С одной стороны, с самого зарождения науки миграция сразу оказалась в центре внимания, став серьезным стимулом для развития обществоведческих дисциплин. С другой стороны, в рамках этнологического знания исследования миграции занимают маргинальное, а точнее приграничное положение. Это обусловлено тем, что в данном случае объект исследования оказывается в центре внимания смежных наук. Возможно, именно по этой причине исследователи уделяют не столь много внимания определению места исследований миграции в этнологии. Можно назвать только небольшое число работ, которые посвящены этой теме, и лишь единичные исследования претендуют на ее глобальное осмысление, например, сочинения К. Бреттел (2000) и А. Акермана (1997). Последний предлагает наиболее систематическое рассмотрение исследований миграции в этнологии, поэтому мы будем обращаться в первую очередь к данной работе.

Роль изучения миграции в рамках этнологии необходимо определять, исходя из актуальности и значимости предмета исследования, а также величины научного вклада в область знания, внесенного за счет изучения проблем миграции. Применительно к первому обстоятельству необходимо отметить, что проблема пространственной мобильности занимает центральную позицию в системе основных ориентиров и направлений исследования этнологии. Стоит упомянуть в этой связи о деятельности последователей учения о "культурных кругах" в Германии, США и других странах. Такие исследователи, как А. Бастиан, К. Риттер и др., придавали миграции большое значение как фактору развития культур. При всей неоднозначности результатов, полученных последователями диффузионизма, нельзя отказать им в том, что они действительно внесли существенный научный вклад, во многом определивший развитие этнологии в целом. Позднее существенный импульс различным социальным наукам дала концепция аккультурации, изначально разработанная этнологами во многом на основе изучения проблем миграции.

Как справедливо замечает А. Акерман, этнологии миграции не существует как таковой (Acker-tann 1997: 1). Специфичным в постановке этнологами научных проблем в связи с темой миграции является то, что в большинстве исследований в миграционном контексте анализируются классические для этнологии предметы (например, "родство", "гендер" и т.п.) или вопросы, связанные с другими областями знания, но попадающие в сферу этнологической науки в связи с их рассмотрением на определенном предметном уровне ("Миграция и колониализм", "Мигранты в городской среде" и т.п.).

Кирилл Валерьевич Корякин – кандидат исторических наук, журналист (г. Москва).

*Статья подготовлена при поддержке Благотворительного общественного Фонда содействия отечественной науке.

Изучение миграции носит широкий междисциплинарный характер. Основные науки, с которыми в этой связи граничит этнология, – социология развития, социология миграции, история, демография, урбанистика и др. Маргинальное положение исследований миграции в этнологии обусловлено отчасти самой спецификой поднимаемых в науке проблем, не совместимых с "доминирующей функционалистской равновесной моделью общественного порядка" (Ibid.: 2). Речь идет об обсуждении вопросов перемен, нестабильности, развития – сложных и неприятных темах, требующих серьезного осмысления этических аспектов. А. Акерман предлагает следующую пространственно-временную модель развития исследования миграции в социальных науках (Ibid.):

1) 1920–1940-е годы. Деятельность представителей Чикагской социологической школы по изучению последствий миграции в города США из европейских стран и адаптации мигрантов из сельской среды к "типично городским" условиям жизни.

2) 1930–1960-е годы. Изучение последователями американской культурно-антропологической традиции в странах Латинской Америки противоречий образа жизни сельского и городского населения, обнаруживающихся в процессе урбанизации.

3) 1940–1960-е годы. Исследования последователями Манчестерской школы социальной антропологии влияния трудовой миграции на социальную структуру и системы родства в Центральной Африке.

4) 1960–1970-е годы. Сосредоточение исследовательского интереса на экономических и политических аспектах изучения миграции, тогда как проблемы культуры как бы уходят на второй план.

5) С 1980-х годов. Усиление интереса к культурным факторам, обращение к изучению вопросов этнической и национальной идентичности в контексте национального государства как катализатора процессов миграции и самоидентификации.

Вкратце остановимся на основных этапах развития знания, выделенных Акерманом.

Началом эры научного изучения проблем миграции этнологами многие специалисты считают издание в США многотомного труда А. Томаса и Ф. Знанецки "Польский крестьянин в Европе и Америке" (*Thomas, Znaniecki 1918–1920*). Объектом капитального исследования стали около 2 млн польских крестьян, эмигрировавших в 1880–1910 гг. в поисках работы в США, чтобы помочь своим бедствующим семьям, живущим преимущественно на отсталых территориях, отошедших по итогам разделов Польши к Российской империи. Основным предметом изучения стали процессы приспособления бывших обитателей сельской глубинки к непривычным условиям американских промышленных центров. Этот труд имел (и имеет до сих пор) не только высокую эмпирическую ценность, но также большое теоретическое значение. Авторы анализируют как объективные, так и субъективные факторы, действующие на процесс адаптации. Наряду с количественными методами в работе широко используются анализ текстов и биографический метод. При этом участники процесса приспособления рассматриваются не как автономные индивидуумы, но как представители определенной культуры. Большое внимание в исследовании уделяется реконструкции социальных групп и структур, анализу конфликтов, связанных с разрушением традиционных институтов социального контроля.

Научные принципы работы "Польский крестьянин в Европе и Америке" легли в основу учения Чикагской школы социологии, создатели капитального труда стали первооткрывателями в исследованиях по проблемам миграции, где они на пару десятков лет определили направления научного поиска. США, в которых со второй половины XIX в. все большую роль начинает играть фактор миграции, в корне изменивший культурный облик страны, стали тем полем, на котором было суждено возникнуть новому научному направлению. Р. Парк, Э. Берджес и Р. Маккензи в своем анализе процессов интеграции мигрантов из Европы в североамериканских городах применили эволюционное учение Ч. Дарвина, а точнее социал-дарвинизм Г. Спенсера, рассматривая городскую среду как своего рода экологическую систему организмов, связанных отношениями конкуренции и зависимости (*Ackermann 1997: 3; Hoffmann-Nowotny 1988: 22; Hughes 1968: 416–419*).

Парк, его ученики и последователи рассматривали процесс адаптации и интеграции с точки зрения индивида, помещенного в новое культурное окружение, к которому он должен приспособливаться. Логической целью интеграции в таком случае является ассимиляция, якобы неиз-

бежная конечная ступень процесса одностороннего воздействия принимающего общества на представителей пришлой культуры. Процесс адаптации, таким образом, должен приводить к деструкции прежних культурных установок и идентичности. В результате мигранты превращаются в "американцев", подтверждая универсалистскую идеологию "плавильного котла". Согласно мнению некоторых представителей Чикагской школы, жизнь в городской среде ведет к формированию человека, у которого традиционные социальные и родственные отношения вытесняются отношениями, основанными на рациональных интересах. Вслед за своими учителями, А. Томасом и Ф. Знанецки, Р. Парк анализировал материалы газет, издаваемых иммигрантскими сообществами и обслуживающих их интересы. Ученый обратил внимание на большую роль прессы в процессе приспособления иммигрантов, что отражено, в частности, в его труде "Иммигрантская пресса и контроль над ней" (*The Immigrant Press and Its Control*, 1922).

Парк также является автором концепции "пограничного человека" (*marginal man*); под этим исследователь понимал индивида, существующего в более чем одном социальном мире, не принадлежа полностью ни к одному из них (*Hughes* 1968: 418). Свои представления ученый изложил в труде "Человеческая миграция и пограничный человек" (*Human Migration and the Marginal Man*, 1928). Определение, которое дает своему "пограничному человеку" Парк, стоит процитировать: "культурный гибрид, человек, одновременно принимающий участие в культурной жизни и традициях двух различных групп людей; он никогда не пытается порвать со своим прошлым и обычаями, даже если есть такая возможность; а в обществе, где он стремится найти свое место, в силу расовых предрассудков он не получает соответствующего признания" (*Park* 1974: 354; цит. по: *Ackermann* 1997: 6). Позднее к понятию "marginal man" обращались и другие исследователи, сама концепция претерпела у них существенные изменения.

Новой исследовательской парадигмой с 1930-х годов становится изучение различий между городским и сельским образом жизни в странах Латинской Америки, прежде всего в Мексике и Гватемале. Наибольшую известность в этой связи заслужили исследования Р. Редфилда, который приходился Р. Парку зятем. С точки зрения "миграциологии" наиболее интересна работа Редфилда "Народная культура Юкатана" (*The Folk Culture of Yucatan*, 1941), в которой автор анализирует континуум между сельским и урбанистическим обществами. В центре внимания исследователя – тенденции дезорганизации, секуляризации и индивидуализации, которые он обнаруживает в переходе к городскому образу жизни (*Leslie* 1968: 351). Представления сторонников культурно-антропологической традиции о процессе модернизации были ориентированы на городскую среду. Различия между городом и селом представляются в противопоставлениях: "развитый – отсталый", "современный – традиционный" и т.д. На вооружение была взята идея о диффузии прогрессивных тенденций из города в деревню, из развитых стран – в малоразвитые. Процесс миграции в этом контексте представлялся как перенос человека из одной социальной среды в другую при одновременном принципиальном изменении социальных отношений. Последователи Редфилда в дальнейшем обнаружили, что интеграция приезжих из села в городе имеет более сложный характер.

Интерес британских ученых к проблемам миграции был в большой степени вызван происходившими в тогдашних колониях Великобритании в Центральной Африке быстрыми социокультурными переменами. Представители Манчестерской школы избрали объектом исследования социальной антропологии также городскую среду, которая формировалась в активно растущих центрах британской колониальной власти. В основе подхода М. Глакмена и др. лежал опять же анализ адаптации сельских мигрантов, происходящих из традиционной племенной среды, к городскому образу жизни. Однако здесь речь шла уже не о сельской общине, характерной для европейского культурного ареала, а об африканских племенах. Урбанизация в Африке обнаружила большие особенности, что существенно дополняло те знания, которыми уже располагало научное сообщество на основе предыдущих исследований. Определенная специфичность этих исследований была обусловлена тем, что в колониальных городах наряду с урбанизацией и модернизацией отмечались процессы вестернизации, культурного влияния метрополий.

Большой заслугой представителей Манчестерской школы является развитие концепций ситуационного и сетевого анализа; последний до наших дней сохраняет свое значение в изучении

миграции (Ackermann 1997: 8–11). В принципе можно сказать, что у основ теории социальных сетей стояли представитель британской школы социальной антропологии М. Фортес и К. Леви-Строс. Вклад первого – разработка концепции социальной структуры как сложного результата стратегий многих участников, подчиняющихся общим базовым правилам. Леви-Строс отказался от прежнего восприятия групп как устойчивых структур, а социальную структуру в целом предложил рассматривать в форме возможностей трансформации, вовлеченных в отношения обмена (Whitten, Wolfe 1973: 719). И хотя этими исследователями еще не были обоснованы методы сетевого анализа, их работы приблизили понимание феномена взаимных обязательств и трансформаций систем социального взаимодействия. Дальнейшие исследования социальных сетей пошли по пути изучения неформальных отношений в обществе.

Среди базовых концепций в 1950–1960-е годы были созданы модель межличностного обмена (Д. Трибо, Х. Келли, Д. Хоманс и П. Блау), метод ситуационного анализа Й. Ван-Вельзена, "теория действия" (Ф. Барт, Ф. Бэйли и др.). Эти подходы возникли в ответ на несовершенство теорий, ориентированных на группу; они, правда, отличались от сетевого анализа тем, что исследовали индивидуума во взаимодействии, но не сам контекст (Ibid.: 720). Одно из наиболее интересных ранних определений социальной сети дал К. Митчелл: "специфический набор связей между определенным набором индивидов с тем дополнительным свойством, что характеристики этих связей могут использоваться для интерпретации социального поведения участников" (Mitchell 1969: 2; цит. по: Schorlemer 1997: 116).

Одним из существенных выводов исследований Манчестерской школы стало осознание того, что в городской среде меняется значение этнокультурной принадлежности. На селе социальное взаимодействие определяется реальными социально-экономическими потребностями, речь идет о включении в политическую систему и круг родственников в процессе повседневной деятельности. Поэтому символическое и социальное значение культурных особенностей в сельской среде невелико. В городе же человек действительно сталкивается с культурным разнообразием. Здесь формируются осознанное этническое обособление, представления о конкуренции различных этнокультурных групп и этностереотипы, возникают общественные объединения на этнической основе.

Несколько в стороне от главных школ и направлений находились исследования израильского ученого Ш. Эйзенштадта, труды которого оказали, тем не менее, очень значительное влияние на мировое научное сообщество. В работах этого автора проявились тенденции, ставшие на два последующих десятилетия определяющими для изучения проблем миграции в общественных науках. Объектом исследования Эйзенштадта стали иммигранты в Палестине. Этот исследователь был приверженцем структурного функционализма, и ему принадлежат важные теоретические достижения в области изучения проблем адаптации и интеграции мигрантов. Он разработал трехстадийную модель, авторство которой часто ошибочно приписывают отечественному исследователю Л.Л. Рыбаковскому. Эйзенштадт рассматривает весь процесс миграции с точки зрения индивидуального переселенца. Структуралистский подход проявился, в частности, в попытке исследователя представить процесс адаптации в виде трех процессов – аккультурации, приспособления к новой социальной системе, а также полного растворения группы иммигрантов в рамках основных институциональных сфер принимающего общества (Eisenstadt 1955: 11). В своих работах Эйзенштадт одним из первых попытался создать целостную социологическую теорию миграции и приспособления переселенцев.

Массовый приток мигрантов после Второй мировой войны в наиболее развитые капиталистические страны был воспринят научным сообществом в рамках модернизационной парадигмы в духе "свободы перемещения труда и капитала". Поэтому с 1960-х годов интерес к культурным аспектам в исследовании проблем миграции в значительной мере ослабевает, приоритет получают исследования экономических и политических проблем. Мигранта начинают все больше воспринимать в совокупности таких индивидуальных характеристик, как возраст, пол, семейное положение и экономический статус. Тогда же возникают теории о стратегиях адаптации, ассимиляции, интеграции, представляющие механистический образ мигранта.

В конце 1960-х – начале 1970-х годов разрабатываются концепция отстающего развития стран Третьего мира А. Франка и "мир-системная" модель И. Валлерстайна, теории отстающей от урбанистического центра аграрной периферии. Свое отражение эти концепции получают и в этнологических исследованиях. Многие ученые обращаются к оценке колониального наследия, изучению влияния миграции на традиционные институты родства, гендерные отношения. Со второй половины 1970-х годов увеличивается интерес научного сообщества к изучению многочисленного пришлого населения в странах, привлекавших иностранную рабочую силу; речь идет о исследованиях так называемых "гастарбайтеров" и межэтнических отношений (race relations).

В рассматриваемый период для этнологического изучения миграции открываются совершенно новые перспективы. Во-первых, в магистральных направлениях исследований прекращается англосаксонское доминирование, в них вовлекается все большее число ученых из разных стран. Во-вторых, объектом исследования этнологии все чаще становится развитое общество, сфера, в которой долгое время безраздельно властвовала социология. Научное направление, условно называемое "anthropology at home", не только внесло заметный вклад в исследование проблем иммигрантских меньшинств, но и позволило совершенно по-новому взглянуть на жизнь современного общества, открыло новые исследовательские и институциональные возможности для социальной антропологии. Этот подход в определенной мере стал продолжением идеи "репатриации" антропологии, выдвигавшей сторонниками направления интерпретативной антропологии (Елфимов 2007: 791). Однако не в меньшей мере выбор исследовательского объекта "у себя дома" обусловлен тем, что некогда зарубежная "экзотика" посредством миграции переместилась в развитые экономические страны.

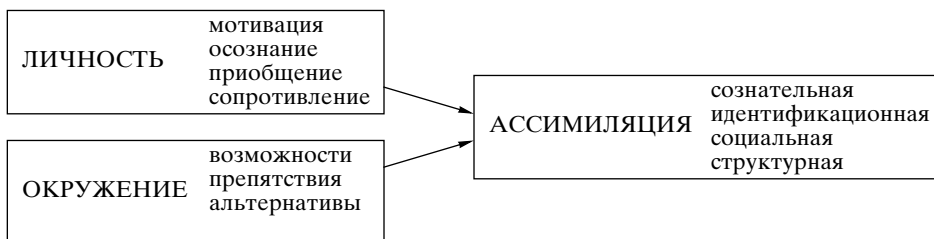
В рамках магистральной тенденции позитивистского переосмысления вопросов приспособления мигрантов к условиям нового места жительства созданы труды известного немецкого исследователя Х. Эссера. Этот автор также внес большой вклад в обобщение прежде накопленного знания по проблемам социологии миграции, однако опять же под углом собственных теоретических представлений.

Весьма показательная для своего времени концепция Х. Эссера, представленная, в частности, в переиздававшейся позднее работе 1980 г. (Esser 1980), уже не является макросоциологической. В центре теории – индивидум, который, руководствуясь внутренними мотивами и сообразуясь со своими возможностями, взвешивая риски и потенциальную выгоду, принимает решение о миграции и выбирает стратегию интеграции. Рассматриваемая теория была создана в конце 1970-х годов на базе массовых исследований трудовых мигрантов в Германии. Концепция Эссера завоевала большую популярность, став для своего времени настоящим научным прорывом. Сейчас данную теорию большинство исследователей считает безусловно устаревшей, но ее стоит упомянуть как знаменующую определенный этап развития науки.

Х. Эссер создавал свою теорию в противовес господствовавшим в тот период макросоциологическим концепциям. Основными принципами его подхода являются, во-первых, отказ от объяснений проблем интеграции, не зависящей от индивида системной реальностью, во-вторых, обращение к поведению личности, обусловленному конкретной ситуацией, и, в-третьих, оперирование концепциями обучения и поведения (Nauck 1988: 22).

В первоначальной версии теория Эссера была представлена следующими элементами модели "личность-окружение" (Esser 1980: 213):

Базовая модель ассимиляции мигрантов

В данной модели тенденции поведения мигранта зависят от следующих факторов: мотивация = привлекательность положения; осознание = осознанное ожидание, что желаемое положение будет достигнуто с помощью определенного действия; приобщение = вера в контроль над ситуацией, достигаемый с помощью собственных действий; сопротивление = ожидаемые издержки действия.

Так, первая основная гипотеза ("гипотеза индивида") будет звучать следующим образом: "Чем сильнее мотивы мигранта к достижению определенного положения, чем сильнее его личные ожидания, что желаемое положение достижимо с помощью ассимиляционных действий или ситуаций, чем выше поведенческое приобщение к действиям по ассимиляции и чем меньше сопротивление этим действиям, тем вернее этот мигрант выполнит их, учитывая прочие обстоятельства" (Ibid.: 211).

Далее у Эссера говорится о влиянии факторов окружения: возможности = условия и возможности действия, поддерживающие и облегчающие ассимиляцию; препятствия = условия, противостоящие ассимиляции; альтернативы = условия, замещающие ассимилятивное поведение.

Вторая главная гипотеза ("гипотеза окружения") звучит следующим образом: "Чем больше ассимилятивных возможностей действия предлагаются мигранту принимающей системой, чем менее существенны в ней препятствия ассимилятивного поведения и чем меньше альтернатив действий неассимилятивного характера, тем вернее, учитывая все прочие условия, мигрант выполнит ассимилятивные действия" (Ibid.).

Критикуя данную модель Х. Эссера, Б. Наук отмечает, что наиболее слабым местом является раздел, связанный с факторами окружения. Трудности вызывает, во-первых, определение роли, которое то или иное обстоятельство реальной жизни играет в данном случае – возможности, препятствия или альтернативы, а во-вторых, степень и значимость влияния того или иного фактора. В качестве примера такой спорной ситуации Б. Наук приводит факт наличия семьи: с одной стороны, она может рассматриваться как возможность (членам семьи дается информация и мотивация для интеграции) и одновременно как препятствие (ведь она может способствовать сохранению традиционных ценностей и налагать на своих членов высокие альтернативные издержки при ассимилятивных действиях); с другой стороны, она может быть альтернативой ассимиляции (вместо того, чтобы строить свою карьеру с интеграцией в принимающее общество, мигрант больше времени посвящает семейной жизни) (Nauck 1988: 23–24). Эти противоречия создают большие технические проблемы в методическом воплощении теории, во многом обесценивая ее объяснительную функцию. Чтобы данная модель функционировала в целом, необходимо сделать "гипотезу окружения" зависимой от свойств самого мигранта, от "гипотезы индивида". В этом случае оказывается, что "гипотеза окружения" не дает практически никакой новой информации. Как указывает Б. Наук, этот факт подтверждается даже собственными эмпирическими исследованиями Х. Эссера (Ibid.: 25).

Основные ограничения предложенной теории сводятся к следующему. Автор полагает, что мигранты в своих действиях руководствуются практическими соображениями и, исходя из ожидаемых результатов, выбирают соответствующую стратегию поведения (Ibid.: 14). Однако, как показывают исследования современной социальной антропологии и социологии, в жизни людей гораздо большее значение, чем было принято считать, имеют иррациональные мотивы. Хотя об этом писали более ранние исследователи (например, А. Фиркандт в начале XX в.), преимущественно позитивистская по своему духу социология 1970-х годов не сумела оценить это знание по достоинству.

Аксиомой индивидуалистской теории было допущение, что решение о выборе стратегии интеграции индивидум принимает единолично. Однако важная роль здесь принадлежит и остальным членам семьи, родственникам, друзьям, ближайшему окружению. Причем исследователю необходимо не только осознавать это и вышеназванное ограничение, но и учитывать их в построении теории и создания инструментария для сбора эмпирического материала. Очевидно, что, например, вопрос о причине переезда, заданный респонденту в анкете в прямой форме с указанием альтернатив, не поможет выявить верное представление о действительных мотивах.

С 1980-х годов в этнологическом изучении миграции происходят существенные перемены, обусловленные целым рядом факторов: внутреннее развитие этнологии как науки, философское переосмысление действительности в духе постмодернизма, отразившееся во всех сферах общественных наук, изменение общественных реалий, самого исследовательского поля. В этот период увеличивается мобильность населения, в значительной мере утрачивают свою функцию государственные границы, обостряется проблема беженцев, большинство временных трудовых мигрантов предпочитает оставаться в богатых странах, приглашавших иностранную рабочую силу, накапливается критическая масса иностранных граждан, проживающих за пределами родины, что ставит под сомнение устаревшие концепции адаптации, аккультурации и т. д. При этом во многом меняется сам характер этнической идентичности, которая теперь стала более динамичной и условной.

В то же время обнаружилось существование групп, продолжающих сохранять изоляцию, несмотря на относительно долгое пребывание в принимающей стране. Также оказалось, что процесс интеграции не имеет одностороннего характера, что и само принимающее общество меняется в контакте с инокультурными иммигрантами. В связи с новыми переменами в научный оборот вошел термин "транснациональность", по-новому было осмыслено понятие "диаспоры", которое оказалось теперь весьма востребовано и относится не только к "классическим диаспорам". Понятие "общности", прежде воспринимавшееся чаще относительно какого-либо "места", приобрело за счет учета сетевого обмена информацией и предметов смысл "экстерриториальности". В этнологии в целом на место представления о локализованной культуре приходит концепция воображаемого сообщества.

Переход к изучению иммигрантского сообщества отразил общую тенденцию отказа от рационалистически ориентированных подходов, в центре которых стоял индивидуум-мигрант, исходя из практических соображений принимающий решение о переселении и выбирающий стратегию интеграции. Кроме того, научное сообщество пришло к осознанию необходимости привлечения идей и предметов страны исхода, к отказу от рассмотрения мигранта или группы мигрантов лишь в контексте принимающего общества.

Новый методологический принцип нашел свое отражение в концепции "транснационального мигранта", принадлежащего одновременно к нескольким обществам: по крайней мере, к исходному и принимающему. В этой связи была разработана теория "транснациональных социальных пространств", возникающих на основе международной миграции и исследуемых в самых различных измерениях: политико-правовые рамки, материальная инфраструктура, социальные структуры и институты, идентичности и жизненные стратегии. При этом "транснациональные социальные пространства" – не простое продолжение общества исхода мигрантов, но нечто качественно новое (Pries 2001: 17). Данная концепция позволила иначе взглянуть на давно известные реалии. И, хотя она получила наибольшее развитие в политологии и политической географии, выдвигая на первый план противоречия между национальным государством и транснациональными компаниями, и не выработала самостоятельного методического инструмента для социологических наук, она также сыграла роль стимула в развитии новейших этнологических концепций. Возможно, именно благодаря развитию представления о "транснациональных социальных пространствах" в общественных науках был вновь востребован метод "сетевого" анализа.

Сетевая исследовательская парадигма отныне развивается в тесной взаимосвязи с концепцией социального капитала, первоначально разработанной в работах П. Бурдьё (см., напр., Bourdieu 1983). Ученый утверждает, что капитал – это сила, присущая всему объективному и субъективному, это принцип внутренней упорядоченности социального мира. По мнению П. Бурдьё, капитал встречается в трех основных формах: *экономический*, который непосредственно конвертируется в деньги и институционализирован в форме права частной собственности; *культурный*, способный преобразовываться в экономический только при определенных условиях и выражающийся, в частности, в форме квалификации; *социальный*, складывающийся из социальных обязательств и отношений, также условно конвертируемый в экономическую форму (Ibid.: 185).

П. Бурдые определяет социальный капитал как "совокупность фактических и потенциальных ресурсов, связанных с наличием устойчивой сети более или менее организованных отношений взаимного знания или признания, иначе говоря, речь при этом идет о ресурсах, основанных на принадлежности к определенной группе" (Ibid.: 190–191). Согласно данной теории, связи, лежащие в основе социального капитала, могут существовать только на основе отношений материального или символического обмена, который они обеспечивают. При этом они учреждаются и обеспечиваются самим обществом, например, путем передачи общей фамилии, принадлежности к семье, классу, племени, партии и т.п., а также посредством прочих актов или ритуалов институционализации. При этом размер социального капитала какого-либо лица зависит от протяженности сети связей, а также от размера капитала (экономического, культурного и символического) у тех, с кем оно состоит в отношениях. Для воспроизводства социального капитала необходима постоянная деятельность в форме обмена, посредством которого снова и снова подтверждалось бы взаимное признание. При этом прямо или косвенно расходуется экономический капитал.

В дальнейшем концепция социального капитала Бурдые была развита другими исследователями. Например, А. Портесу и его соавторам принадлежит идея существования "негативного социального капитала", который играет отрицательную роль, затрудняя достижение определенных целей. Т. Файст выделяет следующие формы социального капитала (Faist 1997: 75–78): 1) число социальных связей; 2) интенсивность этих связей или информации; 3) центральность и авторитет в группах или сетях; 4) взаимные обязательства и ожидания действующих лиц; 5) норма взаимности; 6) солидарность с другими индивидуальными и коллективными действующими лицами.

В данной работе также получила свое развитие разработанная П. Бурдые концепция *культурного* капитала. Основное содержание понятия "культурный капитал" сводится к экономическому выражению уровня образования и профессиональной квалификации индивида. Автор подразделяет этот вид капитала на три формы (Bourdieu 1983: 185): 1) культурный капитал в *связанном* ("инкорпорированном") *состоянии* (устойчивые качества индивида); 2) культурный капитал в *овеществленном состоянии* (культурные блага, образы, книги, лексика, инструменты, машины и т.д.); 3) культурный капитал в *формализованном* ("институционализованном") *состоянии* (учебные свидетельства, ученые звания и т.д.).

В качестве важного итога исследований проблем миграции можно назвать всеобщую "этнологизацию", которая, впрочем, является общей тенденцией для сегодняшних социальных наук в целом. Вместе с идеями и классическими методами этнологии (напр., включенное наблюдение), в социальные науки проникают и вновь разработанные методы, в частности метод "преследования", а также "мультилокальные" (или "полилокальные") этнографические исследования.

Только с 1980-х годов социальные и культурные аспекты изучения миграции становятся предметом общественных наук в России. Это происходит, поскольку делаются возможными социологические исследования вообще, а также в связи с тем, что миграция утрачивает присущий ей прежде организованный характер. Переселения совершаются отныне не по разнарядке из Москвы, не по направлению на производственный объект, но все больше по собственному желанию граждан. Работы зачинателей социологического изучения миграции, таких как Л. Рыбаковский, Т. Заславская и др., в силу определенных причин не "дотягивали" по своему научному уровню до трудов ведущих исследователей из США, Германии, Франции и других западных стран. И по сей день изучение проблем миграции в нашей стране продолжает отставать, и не в последнюю очередь по причине сохраняющейся интеллектуальной изоляции российского научного сообщества.

В данной схеме история миграциологии дана в самом общем виде, в ней представлены только магистральные направления исследований. Естественно, в определенной мере тема миграции затрагивалась и в работах уже упомянутых представителей учения о культурных кругах, некоторое внимание ей уделяли даже такие классики социологии, как Г. Зиммель, Ф. Тённис, М. Вебер, Э. Дюркгейм (Hoffmann-Nowotny 1988: 24–26), не говоря уже обо всех прочих. Однако при этом не было речи о создании основательной научной теории миграции, их вклад в развитие этого направления не имеет существенного значения.

Подводя общие итоги развития методологии исследований социальных и культурных аспектов миграции, следует заключить, что на современном этапе развития научного знания приоритет принадлежит исследованиям на "мезоуровне", который соответствует малой социальной группе. Попытки более глобального осмысления этих вопросов показывают невозможность объяснения различий, обусловленных действием факторов, связанных с функционированием социальной сети. В ее рамках большую роль играют неформальные отношения и традиционные формы обмена, которые могут быть частью эффективной стратегии преодоления экономических и правовых барьеров, возникающих как в процессе осуществления миграции, так и в период адаптации и интеграции в принимающем обществе. Также несостоятельными показали себя теории, основанные на принципе индивидуального выбора, в которых анализировалось поведение мигранта как отдельно взятой личности. Обнаружено, что как само решение об осуществлении миграции, так и следование определенной стратегии адаптации и интеграции лишь отчасти обусловлены самостоятельными решениями индивидуума, но гораздо больше зависят от малой социальной группы и ее членов. В рамках же социальной сети важную роль играют этнокультурные особенности, учет которых открывает широкие исследовательские перспективы для этнологии с ее специфическими научными методами.

Литература

- Елфимов 2007 – Елфимов А.Л. Интерпретативная антропология // Культурология: Энциклопедия. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2007. С. 790–791.
- Моисеенко 1994 – Моисеенко В.М. Миграция населения // Народонаселение: Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 231–237.
- Ackermann 1997 – Ackermann A. Ethnologische Migrationsforschung: ein Überblick // Zeitschrift für Kulturwissenschaften. Ethnologie der Migration. Ausg. 10. Winter 1997. S. 1–28.
- Bourdieu 1983 – Bourdieu P. Экономическое Kapital, культурное Kapital, социальное Kapital // Социальное неравенство / Hrsg. R. Kreckel. Göttingen, 1983. S. 183–198.
- Brettell 2000 – Brettell C.B. Theorizing Migration in Anthropology: The Social Construction of Networks, Identities, Communities, and Globalscapes // Migration Theory: Talking Across Disciplines / Eds. C.B. Brettell, J.F. Hollifield. L., 2000. P. 97–133.
- Eisenstadt 1955 – Eisenstadt S.N. The Absorption of Immigrants. A comparative Study Based Mainly on the Jewish Community in Palestine and the State of Israel. Glencoe, 1955.
- Esser 1980 – Esser H. Aspekte der Wanderungssoziologie: Assimilation und Integration von Wanderern, ethnischen Gruppen und Minderheiten. Eine handlungstheoretische Analyse. Darmstadt, 1980.
- Faist 1997 – Faist T. Migration und der Transfer sozialen Kapitals oder: Warum gibt es relativ wenige internationale Migranten? // Transnationale Migration / Hrsg. L. Pries. Baden-Baden, 1997. S. 63–83.
- Hoffmann-Nowotny 1988 – Hoffmann-Nowotny H.-J. Paradigmen und Paradigmenwechsel in der sozialwissenschaftlichen Wanderungsforschung // Migration in der Feudalgesellschaft / Hrsg. G. Jaritz, A. Müller. Fr./M.; N.Y., 1988.
- Hughes 1968 – Hughes H.M. Park Robert // International Encyclopedia of the Social Sciences / Ed. D.L. Sills. Vol. 11. N.Y.; L., 1968. P. 416–419.
- Leslie 1968 – Leslie C.M. Redfield Robert // International Encyclopedia of the Social Sciences / Ed. D.L. Sills. Vol. 13. N.Y.; L., 1968. P. 350–353.
- Mitchell 1969 – Mitchell C.J. Social Networks in Urban Situations. Manchester, 1969.
- Nauck 1988 – Nauck B. Strukturelle und individualistische Migrationstheorien. Elemente eines Theorienvergleichs // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1988. Jg. 40. H. 1. S. 15–39.
- Pries 2001 – Pries L. The Approach of Transnational Social Spaces // New Transnational Social Spaces: International Migration and Transnational Companies in the Early Twenty-First Century / Ed. L. Pries. L.; N.Y., 2001. P. 3–33.
- Schorlemer 1997 – Schorlemer von G.F. Die netzwerkbezogene Kettenmigration unter besonderer Berücksichtigung der migrationsfunktionalen Aspekte von Unterstützungsleistungen in sozialen Netzwerken. B., 1997.
- Thomas, Znaniecki 1918–1920 – Thomas W.I., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. Vol. I–V. Boston, 1918–1920.
- Whitten 1973 – Whitten N.E., Wolfe A.W. Network Analysis // Handbook of Social and Cultural Anthropology / Ed. J.J. Honigmann. Chicago, 1973. P. 717–746.